

Поэтика тела и травмы в Колымских рассказах В. Т. Шаламова

Tomorad, Ema

Undergraduate thesis / Završni rad

2019

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:347425>

Rights / Prava: [In copyright](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2021-09-27**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Završni rad

Поэтика тела и травмы в Колымских рассказах В. Т. Шаламова

Student: Ema Tomorad

Mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas

Ak. god.: 2018./2019.

U Zagrebu, 25. kolovoza 2019.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ВВЕДЕНИЕ	4
2. ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	5
3. ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ.....	7
4. <i>КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ</i>	8
5. ПОЭТИКА ТЕЛА И ТРАВМЫ.....	8
5.1. ПОЭТИКА ТЕЛА У В. Т. ШАЛАМОВА	9
5.2. ПОЭТИКА ТРАВМЫ У В. Т. ШАЛАМОВА.....	13
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	18
7. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	19
SAŽETAK	21
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	21
KRATKI ŽIVOTOPIS	22

1. ВВЕДЕНИЕ

Лагерная проза представляет собой особенный тип прозы, одним из главных представителей которой является Варлам Тихонович Шаламов. Он был русским поэтом и прозаиком, в творчестве которого одной из важнейших тем является жизнь в лагерях, в которых сам провёл много лет. Шаламов всё, что происходило в лагерях, описывает относительно детально. Создаётся впечатление, что нет никакого вымысла. *Колымские рассказы* – центральное его произведение, в котором подробно описывается многообразная жизнь заключённых в лагерях. В *Колымских рассказах* встречается ряд «гласных», сложных мотивов. Данная работа является попыткой интерпретации ряда мотивов, которые вместе образуют то, что условно можно обозначить как поэтику тела и травмы. В творчестве Шаламова обнаруживается особенная поэтика тела и телесности практически в каждом рассказе. Поэтому темой данной курсовой работы является поэтика тела и травмы в *Колымских рассказах* Шаламова. Более конкретно, нас интересует изображение лагеря как особенного типа пространства-времени через тело и травму (физическую и психическую). Тему изображения лагерной жизни через символизацию тела и травмы мы покажем на конкретных примерах. Вопреки тому, что каждое литературное произведение, даже то, которое опирается на документальные сведения, является выдумкой (литература, как писал уже Аристотель в *Поэтике*, представляет собой образ «возможного», не нужно существующего в реальности мира), *Колымские рассказы* привлекли наше внимание также из-за того, что произведения опираются на личный опыт автора: создаётся впечатление, что документальность рассказов относительно высокая, и что его рассказы дают достоверную картину лагерной жизни.

2. ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

В статье *Лагерная проза в контексте русской литературы XX века* Старикова пишет, что лагерная проза:

тематическое направление в русском литературном процессе конца 50-х - 90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), обладающее следующими чертами: общие тематика и проблематика, связанные с экзистенциальной средой лагеря; автобиографический характер; документальность; историзм; художественное воплощение образа лагеря; особое пространство (замкнутость, остров, ад); особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом (2015: 172).

Лагерная проза является воплощением запредельного опыта человека в абсурдной реальности. В этих произведениях рефлексия и память о пережитом являются центральной темой.

В своей обзорной статье русский литературовед И. Сухих рассматривает *Колымские рассказы* как один из наиболее известных примеров лагерной прозы. Поэтику Шаламова Сухих описывает термином «новая проза». Оказывается, что именно этот термин является ключевым для понимания прозаического мира Шаламова. В статье Стариковой можно найти утверждение, что «Под "новой прозой" сам Шаламов понимал специфический новый метод претворения в художественной форме осмысления жизненного опыта, по выражению Н. Е. Таркана, это "Документальность, сопряженная с психологизмом, - одна из примечательных характеристик шаламовских рассказов, которые он называл новой прозой" [23, с. 322]» (Старикова 2015: 170). Учёный Ю. В. Малова утверждает, что начало термина «лагерной прозы» берет в эссе *О прозе Шаламова*. В этом эссе автор впервые пользуется термином «лагерная тема». Старикова считает, что существует возможность, что термин «лагерная проза» возник в соотнесении с понятием «каторжная проза», которую создавали писатели как Ф. М. Достоевский, П. Ф. Якубович, В. Г. Короленко, С. В. Максимов, А. П. Чехов и Л. Н. Толстой.

Говоря о эволюции лагерной темы, О. В. Васильева пытается проследить её в своей статье 1996 г. Как утверждает Старикова, «За точку открытия темы она берёт рассказ А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*. Далее в ряд она ставит В. Шаламова, который сознательно отталкивается от предшественника. Исследователь считает повествования обоих авторов крайне схожими, лишь акцентируя различия угла зрения на лагерный опыт: В. Шаламов берёт крайние, запредельные ситуации, а Солженицын – "средне-статистический" лагерь политзаключённых» (2015: 170). Она ещё упоминает нескольких авторов, но можно заключить, что их всех связывает изображение ада и абсурда лагерной реальности. Творчество Шаламова является объектом анализа разных учёных, одним из которых является Н. В. Ганущак, который считает, что поэтика лагеря в творчестве Шаламова имеет как будто всечеловеческие («глобальные») коннотации: «Писатель рассматривает лагерь как своего рода модель человеческой жизни, когда её вековые коллизии и противоречия доведены и обострены до крайнего предела» (Старикова 2015: 170). Тоже, как пишет Шрейдер (1993), «Шаламов принципиально отказался от учительства и поставил перед собой чисто литературную задачу создания новой прозы, основанной на документальном свидетельстве».

Старикова упоминает некоторые ключевые моменты, которые характерны для лагерной прозы как особого направления в литературе, о чём мы уже писали: лагерь изображается как ад, особое место либо остров, а лагерная реальность как крайний абсурд. Лагерная действительность открывает для читателя новое о человеке и его поведении в таких экстремальных условиях. Лагерную прозу чаще всего характеризуют автобиографизм, документальность, историзм и авторская рефлексия. Говоря именно о Шаламове и его *Колымских рассказах*, она утверждает, что «Лагерь - это другой, отдельный мир, остров. Несмотря на то, что географически Колыма - полуостров и примыкает к континенту, в художественном мире лагерной прозы она становится островом, отделенным от материка» (2015: 171). В. Шаламов в своем эссе *О прозе* пишет, что в его рассказах «показаны новые психологические закономерности, новое в поведении человека, низведенного до уровня животного - впрочем животных делают из лучшего материала и ни одно животное не переносит тех мук, какие перенёс человек. Новое в поведении человека, новое - несмотря на огромную литературу о тюрьмах и заключении» (Шаламов 1965).

Старикова также отмечает уже сказанные характерные черты лагерной прозы: тюрьма, зона/лагерь, система ГУЛАГа в целом, несвобода, экзистенциальные мотивы, восприятие смерти и жизни, материального и духовного; автобиографический характер повествования, что обусловлено личным опытом писателей; документальность и связь с историей (лагеря существовали и развивались в определенный исторический период), причём документальность в большей степени поэтическая – произведение о лагерях представляет собой художественно воплощенный документ о человеке и его ощущениях. Другие характеристики лагерной прозы следующие: конкретность описаний, бытовое восприятие действительности (как следствие документальности); художественный образ лагеря, воссоздаваемый в индивидуально-авторских картинах мира; особое пространство: лагерь как остров, отделенный от материка, Москвы и свободной жизни; образ зоны как ада, «мертвого дома»; образ лагеря как недолжного бытия с перевернутыми ценностными представлениями; особая психология человека, оказавшегося в пограничье, пытающегося разобраться в «новом» миропорядке и сохранить индивидуальные черты, собственные границы; философское осмысление человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом, основанная на собственном опыте, отражающая психологические и нравственные изменения человеческой души после испытания адом лагерного быта (2015: 173).

3. ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ

Варлам Тихонович Шаламов родился 18-го июня 1907-го года в Вологде в семье священника Тихона Николаевича Шаламова и его жены Надежды Александровны, а умер 17-го января 1982-го года в Москве. Он был русским поэтом и прозаиком, а также он создал один из наиболее известных литературных и публицистических циклов о жизни заключённых в советских лагерях. Он был арестован три раза. Первый раз в 1929-ом году, когда арестовали Шаламова при облаве в подпольной типографии при печатании листовок, названных *Завещание Ленина*. Осудили это как «социально-опасный элемент», из-за чего получил три года заключения в лагерях. Второй раз его арестовали в 1937-ом году за контрреволюционную троцкистскую деятельность, и тогда он был осужден на пять лет лагерей. Этот срок он провёл на Колыме. Третий раз его арестовали в 1943-ем году за антисоветские высказывания на десять лет. В 1956-ом году он вернулся в Москву и к литературной деятельности.

4. КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

Колымские рассказы являются центральным произведением Шаламова. Рассказы, которые создавались с 1954 по 1973 год, являются своего рода «энциклопедией» лагерной жизни. В *Колымских рассказах* отражена жизнь заключённых Севвостлага. В этих рассказах детально передаётся лагерная жизнь, описываются детали, которые не мог бы описать кто-нибудь, не переживший это. Особое исследовательское внимание привлекают описания жестокого насилия, тела, которое уничтожено, а всё это Шаламов передал собственным образом.

Нам кажется, что при описании лагерей и тюрем Шаламов добивается эффекта жизненной убедительности, потому что текст наполнен приметами непридуманной реальности. Он в лагере смотрел на людей, лишенных свободы и выбора, смотрел на то, как государство уничтожает человека, на огромное и негуманное насилие в лагерях. Читая *Колымские рассказы*, создаётся впечатление, что голод и холод, порой лишаящие человека рассудка, являются правилом, а не исключением, и на почве которого создаётся особенная поэтика тела у прозы Шаламова. Люди в лагерях лишены нравственных принципов, боли, памяти, или лучше сказать, они в сущности уже мертвецы.

5. ПОЭТИКА ТЕЛА И ТРАВМЫ

Рассматривая темы тела и травмы в рассказах Шаламова, мы увидим, что эти темы создают семантическое ядро его творчества. Более того, почти в каждом предложении в его произведениях возможно найти элементы тела и травмы, которые связаны со всем прожитым в лагере и которые свидетельствуют о всех ужасах, которые люди проживали в лагерях. Это является важным, потому что Шаламов один из редких писателей, который откровенно писал о жизни в лагере. В его творчестве всё описывается очень детально и реально. Он сам сказал, что «Лагерь – это место, куда человеку лучше не попадать ни на минуту, никаких положительных аспектов это не несёт, никакой пользы для души оттуда извлечь нельзя, но уж если мы там были, наш долг – сказать абсолютную правду, всю правду до конца». Поэтому его прозу можно

считать документом того времени и документом всего, что там происходило. А через элементы тела и травмы Шаламову удастся указать нам на все события жизни в лагере.

5.1. ПОЭТИКА ТЕЛА У В. Т. ШАЛАМОВА

Несравнимо огромное число рассказов В. Т. Шаламова говорит о теле и телесности. Шаламовская трактовка темы телесности в его творчестве поднимает ряд вопросов, как например, о готовности тела к жизни, или, чаще всего, к смерти, которой, кажется, «пахнет» лагерная жизнь. Тело в рассказах Шаламова теряет индивидуальность, потому что в лагере – нет разницы, там все одинаковые. Говоря о потере индивидуальности, Волкова отметила, что «Шаламовское "я" очень часто перетекает в "мы": он говорит голосами многих. А "мы" может резко персонифицироваться в "я"» (1998). Таких перемен точек зрения с «я» на «мы» много в рассказах Шаламова. Например, в рассказе *Дождь* имеем «мы не могли выходить из шурфов — мы были бы застрелены», но и «голодный и злой, я знал, что ничто в мире не заставит меня покончить с собой» (1958).

Волкова в своей статье (1998) отметила, что «В. Шаламов чаще говорит о попанной, раздавленной телесности, о "растаявших мускулах", об отмороженных конечностях, о "перчатке" пеллагрика — его высушенной шелушащейся коже, о гноящихся ранах, о цинготных язвах, о кровавых расчесах кожи из-за постоянно шевелящейся "нитки" вшей, о переломанных костях, об отрубленных руках, о заочневшем от холода теле». Несмотря на то, что рассказчик подробно описывает практически все части тела заключённых в лагере, бросается в глаза, что все эти тела одинаковые – у всех раны, и у никого из них нет индивидуальных черт. Но, кроме описаний всех существующих ран, Волкова отмечает, что он пишет и о другом, «о заживающих кровоподтеках, о свежей, розовой коже, показавшейся из-под "перчатки" пеллагрика, о блаженном чувстве тепла, которое разливается по заиндевевшему телу, о теле, чувствующем прелесть воды, дуновение свежего ветра, утопающую мягкость мха и благотворность сна» (там же). Другими словами, Шаламов пишет и о теле, которое ещё раз рождается, которое возвратилось из всех катастроф лагеря, а все думали, что из лагеря единственный выход – смерть. Из лагеря нет выхода и нет возвращения к нормальной жизни, но это новое тело, «возвратившись оттуда, откуда нет возврата, рождает слово, мысль, поэзию, добро» (там же).

Возникает вопрос почему именно телесность и тело занимают настолько важное место в поэтике Шаламова? Волкова отвечает на этот вопрос следующим способом: «Скорее всего потому, что персонажи Шаламова проходят все страшные ступени ада здесь, в земной жизни. Их тела подвергаются изуверским способам испытания, изымания человеческого и божьего в них» (там же). Кроме того, Шаламову как прозаику чужды ложная патетика и другие иллюзии в истолковании возможностей человека. Кажется, что Шаламов, изображая именно такого, слабого, телесного человека, говорит, что не надо от человека требовать невероятного, что человек является только человеком, а не Богом. В том числе немощное, расслабленное, больное тело является единственным его «имуществом» в лагерных условиях.

Во всех рассказах Шаламова можно заметить этот «болевого синдром» человеческого опустевшего мозга, утраченных клеток. Мозг заключённых в лагере страдает и от голода, холода, насилия, тяжёлой работы, а можно сказать, и от нехватки «умного» разговора, от невозможности пользоваться своим собственным мозгом. Их мозг как будто иссох как следствие физического истощения. На эту тему Волкова отмечает, что «Такой мозг тяжело перебирает, что дадут на ужин, он бессилён приказать глазам не смотреть другому человеку в рот, когда тот ест. Всякое напряжение мысли и построение фраз причиняет физическую боль. Мысль мешает телу двигаться» (там же). В *Надгробном слове* важным элементом является именно голод, например в следующих строках: «Самое страшное в голодных людей – это их поведение» или «Голодные вечно дерутся» (1960). Голод имеет сильное влияние и на тело, телесность, но и на самую психику человека.

Говоря о *Перчатке*, одном из самых известных, но и сложных произведений Шаламова, Волкова в своей статье *Абрис творчества Варлама Шаламова как эстетического феномена* отметила, что «*Перчаткой* названа кожа, слезшая с руки доходяги-пеллагрика, которого чудом спасли врачи, вырвали из рук смерти» (2005). Речь идёт о руке с отмороженной кожей – эта рука представляет новую жизнь, но она не может писать строки, которые написаны в *Колымских рассказах*, потому что не эта рука пережила все ужасы, а другая кожа руки, которая сейчас находится в сибирской земле, т.е. «музее вечной мерзлоты». Элементы тела в *Перчатке* (1972) возможно найти во многих частях этого произведения, как например в строках: «Перчатка, которая за тридцать шесть лет стала частью моего тела, частью и символом моей души» - перчатка, как доказательство всех ужасах. В строке «Кожа опять narosla. Выросли на

скелете мышцы, пострадали немного кости, искривленные остеомиелитами после отморожений. Даже душа выросла вокруг этих поврежденных костей, очевидно» имеет намёк на новую жизнь, но такая жизнь невозможна из-за травмы. Важен уже упомянутый мотив перчатки как доказательства всех ужасах, что видно и в строке: «Разве в перчатке, которая приложена к истории болезни, не пишется история не только моего тела, моей судьбы, души, но история государства, времени, мира». Элементы тела, которое много страдало, видны в этих строках *Перчатки*: «Кожа всего тела чесалась, зудела и отлетала шелухой, пластами даже»; «В дополнение к моим язвам цинготным гноились пальцы после остеомиелита при отморожениях». Очевидны элементы тела, которое не как и тело любого человека, а переполнено ранами и доказательствами всего, что случилось в лагерях. Не было никакой милости на Колыме, насилие владело, в котором тело очень страдало. Что касается рассказа *Сентенция* (1965), там существует поле безнадежности и отсутствия тепла в прямом и переносном смысле (Волкова 1998). В этом рассказе элементы телесности и тела, которое уже мёртвое, можно увидеть в строках: «Я еле таскал ноги, расстояние в двести метров от палатки до работы казалось мне бесконечным, и я не один раз садился отдыхать»; «Голодные вольные желудки измельчили, смололи, иссосали все птичьи кости без остатка»; «Отмороженные пальцы рук и ног ныли, гудели от боли».

Во множестве существующих описаний тела заключённых можно увидеть, что повторяются следующие мотивы: пораженные цингой пальцы ног, насекомые, которые нападают тела людей, тела заключённых, которые корчатся от боли. Много раз также упоминается неспособность тела к дефекации. Ноги и руки заключённых приобрели ту форму, которая им нужна для работы, которые они там должны делать. Но, для чего-то другого – они больше не служат. Надо заметить элемент холода, который важен для их тела и телесность, элемент, который мучит Шаламова через все его рассказы, холод, от которого он не может освободиться. Тепло – самое важнейшее для Шаламова в его рассказах, это то, что он больше всего любит. Теплоту ценят на Колыме больше всего. Интересным является то, что ад всегда сравнивался с чем-то горячим, с яркими красками, представляющими огонь. Однако, Колыма здесь представляет ад, но не горячий ад, а холодный ад, в котором невозможно жить.

Возникает вопрос живое ли или уже мертвое тело заключённого в лагере? Тело страдает и терпит многие ужасы в лагерях, и так оно, раньше чем самый человек, уже становится мёртвым и неспособным. Юргенсон пишет, что «Тело лагерника пребывает

на грани бестелесности, безжизненности. Тело лагерника — минимальное количество живой материи, исчисляемое в килограммах и граммах» (2005). Об этом писал рассказчик в рассказе *Домино*: «Мой рост — сто восемьдесят сантиметров, мой нормальный вес — восемьдесят килограммов. Вес костей — сорок два процента общего веса — тридцать два килограмма. В этот лагерный вечер у меня осталось шестнадцать килограммов, ровно пуд всего: кожи, мяса, внутренностей и мозга» (Шаламов 1959). В рассказе *Сухим пайком* (1959) говорится, что «Мертвое тело всегда и везде на воле вызывает какой-то смутный интерес, притягивает, как магнит. Этого не бывает на войне и не бывает в лагере — обыденность смертей, притупленность чувств снимает интерес к мертвому телу», а именно это заметила и Волкова в своей статье (1998). Тела заключённых каждым днём всё ближе и ближе к смерти, которая неизбежна. Им надо жить одним днём, но многим хочется умереть. Хороший пример трактовки темы смерти – рассказ *Сентенция*. Волкова отметила, что в этом рассказе «Тропа, по которой ходит рассказчик, названа смертной. Солнце, горы угловаты и недружелюбны. Пришло равнодушие. Рождается стоический парадокс и антиномия шаламовской этики в "подземелье": равнодушие — условие бесстрашия и мостик в сторону от смерти» (1998). Рассказчик выкраивает слово «сентенция», не зная его значения, но оно его привлекает. Этот рассказ говорит нам, что физические истощения имеют ужасные последствия: заключённые забывали слова и не знали больше их значения. Но, в некоторых моментах какие-то слова им являлись, а они снова должны были, для себя, выучить значения этих, для них, «новых» слов. Рассказ *Сентенция* таким способом доказывает, что биологическое побеждает культурологическое. Физиологические потребности и самые способности людей в таких обстоятельствах являются более важными, чем культура и всё культурологическое, включая и самые слова, которые заключённые забывали. Несмотря на желания людей помнить все слова, тело заключённых слишком слабое, физические возможности этого не позволяют.

Можно привести итог, что Шаламов, изображая человеческое тело, на самом деле изображает человеческую психику, что тело для него является своеобразным «окном» в человеческую внутреннюю жизнь, часто скрытую, невидимую на поверхности. Одновременно, из-за нехватки архивов и других документов, тело является почти единственным материальным доказательством, что лагерь и заключённые в реальности существовали. В своей статье Юргенсон точно отмечает, что «Тело лагерника — единственный надежный документ, удостоверяющий не только

личность свидетелях, но и его право быть таковым. Именно на теле доходяги, на его лице и коже фиксируется свидетельство о Колыме» (2005).

5.2. ПОЭТИКА ТРАВМЫ У В. Т. ШАЛАМОВА

Смотря на то, что Шаламов провёл долгие годы в лагерях, его можно считать настоящим свидетелем ужасов сталинизма, которые принесли травмы многим людям. Исходный пункт рассуждения Шаламова и его *Колымских рассказов* – память, причем, как сказал Соловьёв, «не просто об ужасах пережитого, но память о распаде человеческого в нечеловеческих условиях» (2005). Много раз Шаламов говорил о своей неуверенности в возможность выживания потому что он не уверен в том, что жизнь после лагеря может быть хорошей. Он рассчитывал, что освобождение от лагеря не может вернуть настоящую свободу, потому что травма пережитого навсегда остаётся, и лагерники не могут освободиться от неё. Как сказала Ардамацкая в своей статье, «По отношению к непристойной, лагерной стороне советской истории даже в наши дни присутствует живое травматическое чувство её подсознательного давления на современного человека, и это давление воспринимается как нечто постыдное, рабское, то, что необходимо искоренить, "выдавить из себя по капле", чтобы стать свободным человеком» (2013). Именно так и Шаламов не мог продолжить жить нормально после лагеря, потому что лагерь является «опытом двух невозможностей»: невозможность забыть, но одновременно также невозможность вспомнить. События, происходящие в лагере, после освобождения всё время повторяются в мыслях бывших лагерников, что в сути представляет собой ядро травматического опыта. Травма – рана в мыслях заключённых. Их жизнь после лагеря не может быть как и жизнь тех, которые не пережили этого, их жизнь кошмарна, а из-за этих событий которые их следят, они не могут нормально жить. Знание, которое переплетается с невозможностью высказывания, в сути и создаёт «язык травмы». В том числе можно сказать, что «правда» о лагерной жизни не состоит только из того, что мы уже знаем, но также из того, что навсегда остаётся неизвестным.

Особенно иллюстративным примером в этом отношении является рассказ *Сентенция* (1965), потому что детально описывается каким способом чувства лагерников постепенно изменяются, до их полного исчезновения. В сути, равнодушие,

которое испытывают лагерники, можно трактовать как означающее травматического: «Я понял, что мне всё равно – будут меня бить или нет, будут давать обед и пайку – или нет»; «Но не только равнодушие, зависть и страх были свидетелями моего возвращения к жизни. Жалость к животным вернулась раньше, чем жалость к людям»; «А через неделю понял – и содрогнулся от страха и радости. Страх – потому что пугался возвращения в тот мир, куда мне не было возврата. Радости – потому что видел, что жизнь возвращается ко мне помимо моей собственной воли». Очевидно, что лагерники не хотели вернуться к нормальной жизни, потому что они знали, что такая жизнь для них больше не является возможностью.

Известный русский философ Валерий Подорога в своей статье говорит, что «Травма лагерного унижения и деперсонализации переходит в новое качество: теперь её видят другие, и те, другие, ничего не знают об этом странном человеке, который идет им навстречу, чья двигательная эксцентрика осуждается как непозволительное чудачество» (2013). Кажется, что именно поэтому трудно жить после лагерных ужасов: непонимание окружающих людей усиливает чувство отчужденности бывшего узника. Поэтому часто возвращение в пред-лагерную жизнь для бывшего заключённого является невозможностью. Шрейдер отметил, что «Проза Шаламова принципиально антипсихологична, это проза предельного экзистенциального опыта, получаемого человеком, попадающим за грань человеческого существования. Она с трудом воспринимается теми, кому этот опыт чужд, кто ещё готов верить в то, что жизнь в социалистическом государстве не лишила его остатков человечности, кто хотел бы считать себя ещё сохранившим человеческое достоинство» (1993). В рассказе *Перчатка* (1972) тоже можно найти строки, которые указывают на травму и потерю человечности: «Ни о какой неловкости, стыде нет и разговора, конечно. Стыдно – это понятие слишком человеческое»; «Тело посерьёзнее, покапризней человеческой души – тело имеет больше нравственных достоинств, прав и обязанностей»; «Мне было безразлично – делают ли мне добро или зло. Вкладывать в моё пеллагрозное тело колымского доходяги даже каплю добра было напрасным поступком»; «Настал день, когда кожа моя обновилась вся – а душа не обновилась»; «У меня изменилось представление о жизни как о благе, о счастье. Колыма научила меня совсем другому»; «Помнить зло раньше добра. Помнить всё хорошее – сто лет, а всё плохое – двести».

Подорога в своей статье также замечает, что «Травма плохо интегрируется и сохраняет своё разрушительное воздействие — этому мешает прежде всего память

тела» (2013). Наше тело является отражением травмы и доказательством ужасов, о чём Шаламов тоже писал в своём рассказе *Перчатка*: «Разве кожа, которая выросла, новая кожа, костевые мускулы имеют право писать? А если уж писать – то те самые слова, которые могла бы вывести та, колымская перчатка – перчатка работяги, мозолистая ладонь, стертая ломом в кровь, с пальцами, согнутыми по черенку лопаты» (1972). Травма проявляется через тело лагерника, через его физическое состояние. Создается впечатление, что заключённые от травмы не могут освободиться.

В этом отношении рассказ *Надгробное слово* является особенно интересным. Упоминается много людей, которые умерли, и вновь всё детально описывается: «Он долго не понимал, что делают с нами, но в конце концов понял и стал спокойно ждать смерти»; «Фриц Давид сошёл с ума, и его куда-то увели» (1960). Заключённым травма не позволяет понять всё, что происходит в лагерях.

Говоря о травме, чувство страха тоже играет большую роль. В своей статье *Страх сильнее страха*, Геллер сравнивает страх с болезнью, со смехом, с травмой. Страх – один из важнейших элементов рассказов Шаламова, который является последствием мучений в лагере, и с которым связываем травму. Геллер отметил, что «В книге Варлама Шаламова, отредактированной и изданной моим отцом, Михаилом Геллером, в Лондоне, я нашёл рассказ о болезни, в котором, как мне кажется, задействованы все или почти все функции страха, кроме формально-развлекательной» (2005: 314). Речь идёт о рассказе *Прокаженные*. Рассказ проходит в лагерной больнице, где один человек лечится от последствий отморожений. Сразу можно увидеть снова главные мотивы – лагерь, болезнь, страх, тело, травма. Как говорит и Геллер в своей статье, страх в этом рассказе очевиден («страх уродства, страх зверя, страх нечистоты женского тела, страх подземелья и тьмы» [2005: 316]). Шаламов в *Прокаженных* открывает все детали жизни в лагере. Описывается хаос лагеря и террор, который там происходит. Геллер подтвердил это:

Это «ужасающий!» образ миллионов калек - инвалидов войны с незаживающими ранами, которых нельзя отличить от прокаженных, - тело смертельно больного человечества, картина, данная в одной фразе, но сравнимая по силе с самыми потрясающими полотнами экспрессионистов. Это образ стадной паники, животного страха, ужаса перед разложением себя, более страшного, чем страх перед допросами, побоями, неизбежной смертью в будущем. Это воплощение лагерного диффузного страха-тоски в

образе фронтовика, которого освящение через прикосновение к язвам - как в житиях святых - ведёт не к свободе, а к безвестной гибели (316).

С другой стороны, говоря о *Колымских рассказах*, Юргенсон в своей статье интересно указывает на то, что в произведениях Шаламова не ощущается большой страх. Заключённые лишены эмоций, лагерь уничтожил их психику, из-за чего они не могут чувствовать страх. Он говорит, что «Страх порождают сами вещи, ситуации; он как бы остаётся в воздухе, не захватывая героя. Как правило, герой находится вне события. Отсутствие экзистенциальной ситуации делает страх невозможным. В редких сюжетах возникает положение, в котором герой подвержен страху» (2005: 329). В том числе еще более любопытным является то, что страх в сути представляет собой возможность возвращения к жизни. Герои Шаламова не привыкли к нормальной жизни, и когда у них являются какие-то моменты и надежды на нормальную жизнь, тогда наступает и страх. Например, в рассказе *Сентенция*, когда автор говорит о возвращении чувств, в один момент возникает и страх. «За равнодушием пришёл страх - не очень сильный страх - лишиться этой спасительной жизни, этой спасительной работы кипятильщика... Я понял, что боюсь уехать отсюда на прииск. Боюсь, и всё» (1965). Страх не возникает только в лагере и во время этих ужасных событий, а и позже, потому что все ужасные эпизоды, которые люди переживали в лагерях, невозможно забыть, также как и невозможно запомнить. Травма, как тень, следит за бывшими лагерниками.

В целом можно сказать, что категория памяти является практически центральной в творчестве Шаламова. В своей статье Асафьева и Болдырева пишут, что «Рассказы и стихи Шаламова не вымысел, а истина в художественной обработке, о чём поэт многократно говорил» (2017). Его проза может служить документом, свидетельством всего, что происходило на Колыме, а также и объяснением травмы. Асафьева и Болдырева отмечают, что «Идеи, мысли, содержащиеся в произведениях художника, прежде всего нацелены на то, чтобы сохранить историческую и культурную память об эпохе сталинизма, запечатлеть все ужасы, всю несправедливость тоталитарного режима, бесправность человека, вынужденного умирать и возрождаться каждый день» (там же). Всё, о чём Шаламов пишет, не случайно там, всё имеет свою цель. Автор пытается, чтобы такой период никогда не забыли, а он хочет сохранить в своих рассказах каждую деталь. Как уже сказано, нет случайностей в прозе Шаламова, «Не случайно в текстах можно встретить образ живого мертвеца как аллегория

убийственного "труда", холода, которые приводят к смерти духовной, но оставляют жизнь физическую, чтобы преумножать, продлевать бесконечное человеческое страдание» (там же). Эту духовную смерть можно сравнить с травмой после лагеря. Лагерники живые, когда освободились от лагеря, но их духовная жизнь больше не существует. Есть только тело, на котором множество ран, а души больше нет. Душа в лагере умерла, но травма остаётся навсегда. Это видно и в рассказе Шаламова *Шерри-Бренди*, в котором приказывается смерть поэта. Шаламов с помощью личного опыта хотел представить, что чувствовал и думал Мандельштам, когда умирал. Элементы травмы можно найти в строках: «Он не спеша думал о великом однообразии предсмертных движений, о том, что поняли и описали врачи раньше, чем художники и поэты»; «Самое лучшее то, что не записано, что сочинено и исчезло, растаяло без следа» (1958). Абельюк (2004) замечает, что «Может показаться, что душевная жизнь героев Шаламова всегда примитивна, что человек, потерявший связь со своим прошлым, не может не потерять себя и перестаёт быть сложным». Но, перед нами в *Шерри-Бренди* человек, который сохранил своё человеческое лицо, а это именно – поэт.

Как пишут Асафьева и Болдырева, «Лучший способ забыть о чём-то — записать, чтоб мысли, воплощённые на бумаге, высказанные, исчезли из памяти» (2017). Именно это Шаламов и делает, пишет всё, со всеми деталями, может быть с целью забыть, но возникает вопрос, возможно ли это? Может ли человек действительно забыть то, что он прожил, особенно если речь идёт о лагере, только записав это? Включая *Колымские тетради*, «Как бы ни хотелось лирическому герою *Колымских тетрадей* забыть обо всем, что с ним происходило в золотых забоях и шахтах, долг перед невернувшимися, перед истиной заставляет поэта раз за разом возвращаться в покинутый мир тайги и писать, писать, чтобы помнили о том, что было и чего не должен видеть человек» (там же). И Волкова в своей статье отметила, что «Колымская рана постоянно кровоточила, и, работая над рассказами, Шаламов кричал, угрожал, плакал — и утирал слёзы лишь после того, как рассказ окончен» (2005). В этом отношении можно привести итог, что самый акт рассказывания не приносит исцеление – «лагерная проза» Шаламова не предлагает освобождение либо катарсис. В этом, наверно, и сущность трагического в его прозе.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Колымские рассказы, несомненно центральное произведение в творческом мире Шаламова, предоставляют гетерогенную и подробную картину тяжелой жизни в лагерях из перспективы страдающего субъекта, через его тело и телесность. Кроме эстетических достоинств этих рассказов, у них также историческая ценность: смотря на то, что ГУЛАГ, особенно в периоде так называемого «позднего социализма» (с 1956 по 1968 г.), является до определенной степени табуизированной частью советской истории, его рассказы представляют собой важнейший архив воспоминаний. Рассказы Шаламова показывают, что лагерь уничтожает всё человеческое в человеке, что там люди не живые, а мертвецы. Более того, в лагерях человек – больше не человек, а какое то автоматизированное существо, которое потеряло способность самостоятельно думать и обсуждать окружающее. Тема тела и телесности является важной именно как доказательство потери целенаправленной, контролируемой человеческой реакции. Многие исследователи эту тему рассматривали из разных исследовательских перспектив. Описывая все детали жизни в лагере, автору удалось перенести настоящую картину лагерях, которые не обладают ни одной позитивной чертой. В рассказах много раз упоминаются и мысли о возвращении к нормальной жизни, но чаще всего, лагерникам как будто не хочется вернуться к нормальной жизни – наверно потому что они чувствуют, что лагерь все возможности возвращения уничтожил.

7. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абелюк, Е.С. 2004. *Реминисценции и их значение в художественном тексте*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/153/>, дата обращения: 19. августа 2019 г.
- Ардамацкая, Д. А. 2013. *Философия «после ГУЛАГа»: осмысление исторической катастрофы*. Режим доступа: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/download/502/501>, дата обращения: 10. сентября 2019 г.
- Асафьева, Е.Р. и Болдырева, Е. М. 2017. *Категория памяти в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/324/>, дата обращения: 20. августа 2019 г.
- Волкова, Е.В. 1998. *Ритм повествования и образ рассказчика*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/104/5.html>, дата обращения: 19. августа 2019 г.
- Волкова, Е.В. 1998. *Смертная тропа и слово. Парадокс – перипетия – ирония*. Режим доступа: <https://www.shalamov.ru/research/104/4.html>, дата обращения: 21. августа 2019 г.
- Волкова, Е.В. 2005. *Абрис творчества Варлама Шаламова как эстетического феномена*. Режим доступа: <https://www.shalamov.ru/research/113/>, дата обращения: 23. августа 2019 г.
- Геллер, Л. 2005. *Страх страшнее страха*. В Н. Букс, и Ф. Конт, *Семиотика страха* (стр. 309-319). Москва: Русский институт: издательство «Европа».
- Подорога, В.А. 2013. *Дерево мертвых: Варлам Шаламов и время ГУЛАГа*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/210/>, дата обращения: 19. августа 2019 г.
- Соловьёв, С.М. 2011. *Последствия Освенцима: свобода как сопротивление. Примо Леви и Варлам Шаламов о свободе в условиях расчеловечивания*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/183/>, дата обращения: 24. августа 2019 г.
- Старикова, Л.С. 2015. *«Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика*. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/lagernaya-proza-v-kontekste-russkoy-literatury-hh-veka-ponyatie-granitsy-spetsifika>, дата обращения: 20. августа 2019 г.

- Шаламов, В. Т. 1965. *О прозе*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/library/21/45.html>, дата обращения: 31. августа 2019 г.
- Тимофеев, Л.М. 1991. *Поэтика лагерной прозы*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/151/>, дата обращения: 22. августа 2019 г.
- Шрейдер, Ю.А. 1993. *Правда Солженицына и правда Шаламова*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/10/>, дата обращения: 25. августа 2019 г.
- Юргенсон, Л. 2005. *Двойничество в рассказах Шаламова*. В Н. Букс, и Ф. Конт, *Семиотика страха* (стр. 329-336). Москва: Русский институт: издательство «Европа».
- Юргенсон, Л. 2005. *Кожа – метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова*. Режим доступа: <https://shalamov.ru/research/63/>, дата обращения: 23. августа 2019 г.

SAŽETAK

Završni rad analizira priče ruskoga pisca Šalamova u kojima se govori o autorovom osobnom iskustvu logora. Posebna pozornost usmjeruje se prema načinim prikazivanja tijela i tjelesnosti, te s njima usko povezanoj temi traume koja implicira istodobno dvije nemogućnosti: nemogućnost zaborava, ali i sjećanja. Teme tjelesnosti i traume ilustriraju se nizom konkretnih primjera iz Šalamovljevih *Priča s Kolyme*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лагерь	logor
тело	tijelo
телесность	tjelesnost
травма	trauma
страх	strah
рассказы	priče
лагерная проза	logorska proza

KRATKI ŽIVOTOPIS

Rođena sam 12. siječnja 1997. u Zagrebu. Živim u Mariji Bistrici, gdje sam i pohađala osnovnu školu. Srednju sam školu pohađala u Zlataru. Nakon završetka opće gimnazije, 2015., upisala sam Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, i to dvopredmetni studij Ruskoga jezika i književnosti i Španjolskoga jezika i književnosti. Preddiplomski studij Hispanistike završila sam 2018. godine.